

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

3

■ 2015 (189)

6+

ЛИЦЕЙ:
Первоучители
славянские

Аркадий Аверченко
Рассказы

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Ю. Устинова

Александр Блок

Ворона

*Вот ворона на крыше покатой,
Так с зимы и осталась лохматой...*

*А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...*

*Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:*

*Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой*

*Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны игрушки.*

*И уж так-то ворона довольна,
Что весна и дышать ей привольно!*

Н. Крымов
К весне
1907 г.

В номере:

3

Аркадий Аверченко
Рассказы

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Основатель итальянской живописи: Джотто

21

РАССКАЗЫ

Елена Тулушева

Медаль

23

ЖИВОЙ УГОЛОК

Иван Соколов-Микитов

Март в лесу

24

ЛИЦЕЙ

Первоучители славянские

26

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Жить, думать, чувствовать, любить...»

29

БУХТИНЫ

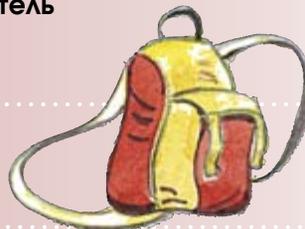
Владимир Волков

Петька из 4 «А» и его новый друг

31

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Американский дядюшка

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядкин

Достижения цивилизации. Углеводородная энергетика

34

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Аида Борисова

Сказки бабушки Матрёны: Иван да Марья

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 649

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Аркадий Аверченко

Рассказы

Художник Г. Мазурин

Славный ребёнок

I

Проснувшись, мальчик Сашка повернулся на другой бок и стал думать о промелькнувшем, как сон, вчерашнем дне.

Вчерашний день был для Сашки полон тихих детских радостей: во-первых, он украл у квартиранта полкоробки красок и кисточку, затем пристав описывал в гостиной мебель, и, в-третьих, с матерью был какой-то припадок удушья... Звали доктора, пахнувшего мылом, приходили соседки; вместо скучного обеда все домашние ели ветчину, сардины и балык, а квартиранты пошли обедать в ресторан — что было тоже неожиданно любопытно и не похоже на ряд предыдущих дней.

Припадок матери, кроме перечисленных весёлых минут, дал Сашке ещё и практические выгоды: когда его послали в аптеку, он утаил из сдачи двугри-венный, а потом забрал себе все бумажные колпачки от аптечных бутылочек и коробку из-под пилюль.

Несмотря на кажущуюся вздорность увлечения колпачками и коробочками, Сашка — прехитрый мальчик. Хитрость у него чисто звериная, упорная, непоколебимая. Однажды квартирант Возженко заметил, что у него пропал тюбик с краской и кисть. Он стал запирать ящик с красками в комод и запира- л их, таким образом, целый месяц. И целый месяц, каждый день после ухода

квартиранта Возженко, Сашка подходил к комоду и пробовал, заперт ли он? Расчёт у Сашки был простой — забудет же когда-нибудь Возженко запереть комод...

Вчера как раз Возженко забыл сделать это.

Сашка, лёжа, даже зажмурился от удовольствия и сознания, сколько чудес натворит он этими красками. Потом Сашка вынул из-под одеяла руку и разжал её: со вчерашнего дня он всё время носил в ней аптекарский двугривенный и спать лёг, раздевшись одной рукой.

Двугривенный, влажный, грязный, был здесь.

II

Полюбовавшись двугривенным, Сашка вернулся к своим утренним делишкам.

Первой его заботой было узнать, что готовит мать ему на завтрак. Если котлеты — Сашка поднимет капризный крик и заявит, что, кроме яиц, он ничего есть не может. Если же яйца — Сашка поднимет такой же крик и выразит самые определённые симпатии к котлетам и отвращение к «этим паршивым яйцам».

На тот случай, если мать, расщедрившись, приготовит и то и другое, Сашка измыслил для себя недурную лазейку: он потребует оставшиеся от вчерашнего пира сардины.

Мать он любит, но любовь эта странная — полное отсутствие жалости и лёгкое презрение.

Презрение укоренилось в нём с тех пор, как он заметил в матери черту, свойственную всем почти матерям: иногда за пустяк, за какой-нибудь разбитый им бокал, она поднимала такой крик, что можно было оглохнуть. А за что-нибудь серьёзное, вроде позавчерашнего дела с пуговицами, — она только переплетала свои пухлые пальцы (Сашка сам пробовал сделать это, но не выходило — один палец оказывался лишним) и восклицала с лёгким стоном:

— Сашенька! Ну, что же это такое? Ну, как же это можно? Ну, как же тебе не стыдно?

Даже сейчас, натягивая на худые ножонки чулки, Сашка недоумевает, каким образом могли догадаться, что история с пуговицами — дело рук его, Сашки, а не кого-нибудь другого?

История заключалась в том, что Сашка, со свойственным ему азартом, увлёкся игрой в пуговицы... Проигравшись дотла, он оборвал с себя всё, что

было можно: штанишки его держались только потому, что он всё время надувал живот и ходил, странно выпячиваясь. Но когда фортуна решительно повернулась к нему спиной, Сашка задумал одним грандиозным взмахом обогатить себя: встал ночью с кровати, обошёл, неслышно скользя, все квартирантские комнаты и, вооружившись ножницами, вырезал все до одной пуговицы, бывшие в их квартире.

На другой день квартиранты не пошли на службу, а мать долго, до обеда, ходила по лавкам, подбирая пуговицы, а после обеда сидела с горничной до вечера и пришивала к квартирантовым брюкам и жилетам целую армию пуговиц.

— Не понимаю... Как она могла догадаться, что это я? — поражался Сашка, натягивая на ногу башмак и положив по этому случаю двугривенный в рот.

III

Отказ есть приготовленные яйца и требование котлет заняло Сашкино праздное время на полчаса.

— Почему ты не хочешь есть яйца, негодный мальчишка?

— Так.

— Как — так?

— Да так.

— Ну, так знай же, котлет ты не получишь!

— И не надо.

Сашка бьёт наверняка. Он с деланой слабостью отходит к углу и садится на ковёр.

«Бледный он какой-то сегодня», — думает сердобольная мать.

— Сашенька, милый, ну, скушай же яйца! Мама просит.

— Не хочу! Сама ешь.

— А, чтоб ты пропал, болван! Вот вырастила идиота...

Мать встаёт и отправляется на кухню.

Съев котлету, Сашка с головой окунается в омут мелких и крупных дел.

Озабоченный, идёт он прежде всего в коридор и, открыв сундучок горничной Лизаветы, плюёт в него. Это за то, что она вчера два раза толкнула его и пожалела замазки, оставшейся после стекольщиков.

Свершив акт правосудия, идёт на кухню и хнычет, чтобы ему дали пустую баночку и сахару.

— Для чего тебе?

— Надо.

— Да для чего?

— Надо!

— Надо, надо... А для чего надо? Вот — не дам.

— Дай, дура! А то матери расскажу, как ты вчера из графина для солдата водку отливала... Думаешь, не видел?

— На, чтоб ты пропал!

Желание кухарки исполняется: Сашка исчезает. Он сидит в ванной и ловит на пыльном окне мух. Наловив в баночку, доливает водой, насыпает сахар и долго взбалтывает эту странную настойку, назначение которой для самого изобретателя загадочно и неизвестно.

IV

До обеда ещё далеко. Сашка решает пойти посидеть к квартиранту Григорию Ивановичу, который находится дома и что-то пишет.

— Здравствуйте, Григориваныч! — сладеньким тонким голоском приветствует его Сашка.

— Пошёл, пошёл вон. Мешаешь только.

— Да я здесь посижу. Я не буду мешать.

У Сашки определённых планов пока нет, и всё может зависеть только от окружающих обстоятельств: может быть, удастся, когда квартирант отвернётся, стащить перо или нарисовать на написанном смешную рожу, или сделать что-либо другое, что могло бы на весь день укрепить в Сашке хорошее расположение духа.

— Говорю тебе — убирайся!

— Да что я вам мешаю, что ли?

— Вот я тебя сейчас за уши, да за дверь... Ну?

— Ма-ама-а!!! — жалобно кричит Сашка, зная, что мать в соседней комнате.

— Что такое? — слышится её голос.

— Тш!.. Чего ты кричишь, — шипит квартирант, зажимая Сашке рот. — Я же тебя не трогаю. Ну, молчи, молчи, милый мальчик...

— Ма-а-ма! Он меня прогоняет!

— Ты, Саша, мешаешь Григорию Ивановичу, — входит мать. — Он вам, вероятно, мешает?

— Нет, ничего, — помилуйте, — морщится квартирант. — Пусть сидит.

— Сиди, Сашенька, только смирененько.

«Черти бы тебя подрали с твоим Сашенькой», — думает квартирант, а вслух говорит:

— Бойкий мальчуган! Хе-хе! Общество старших любит...

— Да, уж он такой, — подтверждает мать.

V

За обедом Сашке — сплошной праздник. Он бракует все блюда, вмешивается в разговоры, болтает ногами, руками, головой, и, когда результатом соединённых усилий его конечностей является опрокинутая тарелка с супом, он считает, что убил двух зайцев: избавился от ненавистной жидкости и внёс в среду обедающих весёлую, шумную суматоху.

— Я котлет не желаю!

— Почему?

— Они с волосами.

— Что ты врёшь! Не хочешь? Ну, и пухни с голоду. Сашка, заинтересованный этой перспективой, отодвигает котлеты и, притихший, сидит, ни до чего не дотрагиваясь, минут пять. Потом, решив, что наголодался за этот промежуток достаточно, пробует потихоньку живот: не распух ли?

Так как живот нормален, то Сашка даёт себе слово когда-нибудь на свободе заняться этим вопросом серьёзнее — голодать до тех пор, пока не вспухнет, как гора.

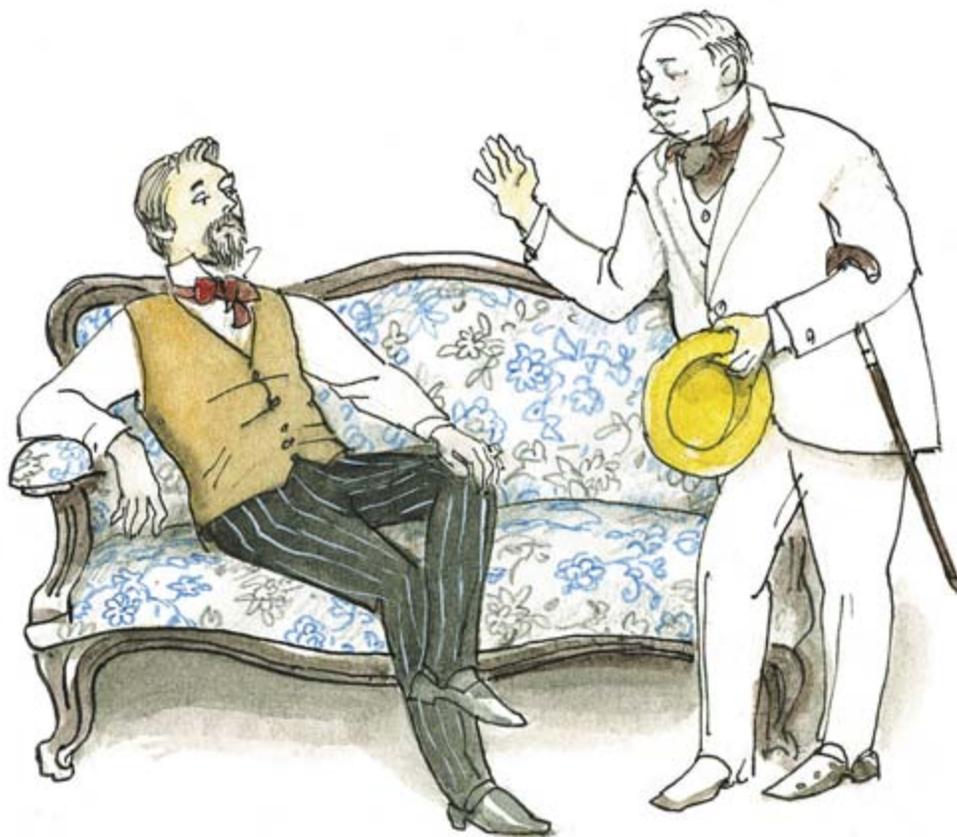
VI

Обед кончен, но бес хлопотливости по-прежнему не покидает Сашки.

До отхода ко сну нужно успеть ещё зайти к Григорию Ивановичу и вымазать салом все стальные перья на письменном столе (идея, родившаяся во время визита), а потом не позабыть бы украсть для сапожника Борьки папирос и вылить баночку с мухами в Лизаветин сундук за то, что толкнула.

Даже улегшись спать, Сашка лелеет и обдумывает последний план: выждавши, когда все заснут, — пробраться в гостиную и отрезать красные сургучные печати, висящие на ножках столов, кресел и на картинах...

Они очень и очень пригодятся Сашке.

ТАЙНА

I

Он уверял меня, что с детства у него были поэтические наклонности.

— Понимаешь — я люблю всё красивое!

— Неужели? С чего же это ты так? — спросил я, улыбаясь.

— Не знаю. У меня, вероятно, такая душа: тянуться ко всему красивому...

— В таком случае, я подарю тебе книжку моих стихов!

Он не испугался, а сказал просто:

— Спасибо.

Я спросил как можно более задушевно:

— Ты любишь ручеек в лесу? Когда он журчит? Или овечку, пасущуюся на травке? Или розовое облачко высоко-высоко... Так, саженей в шестьдесят высоты?

Глядя задумчивыми, широко раскрытыми глазами куда-то в даль, он прошептал:

— Люблю до боли в сердце.

— Вот видишь, какой ты молодец. А ещё что ты любишь?

— Я люблю закат на реке, когда издали доносится тихое пение... Цветы, окропленные первой чистой слезой холодной росы... Люблю красивых, поэтичных женщин и люблю тайну, которая всегда красива.

— Любишь тайну? Почему же ты мне не сказал этого раньше? Я бы сообщил тебе парочку-другую тайн... Знаешь ли ты, например, что между женой нашего швейцара и приказчиком молочной лавки что-то есть? Я сам вчера слышал, как он делал ей заманчивые предложения...

Он болезненно поморщился.

— Друг! Ты меня не понял. Это слишком вульгарная, грубая тайна. Я люблю тайну тонкую, нежную, неуловимую. Ты знаешь, что я сделал сегодня?

— Ты сделал что-нибудь красивое, поэтичное, — уверенно сказал я.

— Вот именно. Сейчас мы едем к Лидии Платоновне. И знаешь, что я сделал?

— Что-нибудь красивое, поэтичное?

— Да! Я купил букет роскошных белых роз и отослал его Лидии Платоновне инкогнито, без записки и карточки. Это маленькая грациозная тайна. Я люблю все грациозное. Цветы, окропленные первой чистой слезой холодной росы... И неизвестно от кого... это тайна.

— Так вот почему ты продал свой турецкий диван и синие брюки!

— Друг, — страдальчески сказал он. — Не будем говорить об этом. Цветы... Из нездешнего мира... Откуда они? Из чистого горного воздуха? Кто их прислал? Бог? Дьявол?

Его глаза, устремленные к небу, сияли как звезды.

— Да ведь ты не вытерпишь, проболтаешься? — едко сказал я.

— Друг! Клянусь, что я буду равнодушен и молчалив... Ты понимаешь — она никогда не узнает, от кого эти цветы... Это маленькое и ужасное слово — никогда. Nevermore¹.

Когда мы сходили с извозчика, я подумал, что если бы этот человек писал стихи, они могли бы быть не более глупы, чем мои.

II

Мы вошли в гостиную, и хозяйка дома встретила нас такой бурной радостью и водопадом благодарностей, что я сначала даже отступил за Васю Мимозова.

— Василий Валентиныч! — воскликнула прелестная хозяйка. — Признавайтесь... Это вы прислали эту прелесть?

Вася Мимозов изумленно отступил и сказал, широко открыв глаза:

— Прелесть? Какую? Я вас не понимаю.

— Полноте, полноте! Кто же другой мог придумать эту очаровательную вещь.

— О чём вы говорите?

¹ Никогда (англ.).

— Не притворяйтесь. Я говорю об этом роскошном букете!
Взгляд его обратился по направлению руки хозяйки, и он закричал так, как будто первый раз в жизни видел букет цветов:
— Какая роскошь! Кто это вам преподнёс?
Хозяйка удивилась:
— Неужели это не вы?
Без всякого колебания Вася Мимозов повернул к ней своё грустное, меланхолическое лицо и твёрдо сказал:
— Конечно, не я. Даю вам честное слово.
Тут только она заметила меня и радушно приветствовала:
— Здравствуйте! Это уж не вы ли сделали мне такой царский подарок?
Я отвернулся и с деланным смущением возразил:
— Что вы, что вы!
Она подозрительно взглянула на меня.
— А почему же ваши глазки не смотрят прямо? Признавайтесь, шалун!
Я глупо захохотал.
— Да почему же вы думаете, что именно я?
— Вы сразу смутились, когда я спросила.
Вася Мимозов стоял за спиной хозяйки и делал мне умоляющие знаки.
Я тихонько хихикал, смущённо крутя пуговицу на жилете:
— Ах, оставьте.
— Ну конечно же вы! Зачем вы, право, так тратитесь?!
Избегая взгляда Мимозова, я махнул рукой и беззаботно ответил:
— Стоит ли об этом говорить!
Она схватила меня за руку.

— Значит, вы?

Вася Мимозов с искажённым страхом лицом приблизился и хрипло воскликнул:

— Это не он!

Хозяйка недоумевающе посмотрела на нас:

— Так, значит, это вы?

Лицо моего приятеля сделалось ареной борьбы самых разнообразных страстей: от низких до красивых и возвышенных.

Возвышенные страсти победили.

— Нет, не я, — сказал он, отступая.

— Больше никто не мог мне прислать. Если не вы — значит, он. Зачем вы тратите такую уйму денег?

Я поболтал рукой и застенчиво сказал:

— Оставьте! Стоит ли говорить о такой прозе. Деньги, деньги... Что такое, в сущности, деньги? Они хороши постольку, поскольку на них можно купить цветов, окроплённых первой чистой слезой холодной росы. Не правда ли, Вася?

— Как вы красиво говорите, — прошептала хозяйка, смотря на меня затуманенными глазами. — Этих цветов я никогда не забуду. Спасибо, спасибо вам!

— Пустяки! — сказал я. — Вы прелестнее всяких цветов.

— Мерси. Всё-таки рублей двадцать заплатили?

— Шестнадцать, — сказал я наобум.

Из дальнего угла гостиной, где сидел мрачный Мимозов, донёсся тихий стон:

— Восемнадцать с полтиной!

— Что? — обернулась к нему хозяйка.

— Он просит разрешения закурить, — сказал я. — Кури, Вася, Лидия Платоновна переносит дым.

Мысли хозяйки всё время обращались к букету.

— Я долго добивалась от принесшего его: от кого этот букет? Но он молчал.

— Мальчишка, очевидно, дрессированный, — одобрительно сказал я.

— Мальчишка! Но он старик!

— Неужели? Лицо у него было такое моложавое.

— Он весь в морщинах!

— Несчастный! Жизнь его, очевидно, не красна. Ненормальное положение приказчиков, десятичасовой труд... Об этом ещё писали. Впрочем, сегодняшний заработок поправит его делишки.

Мимозов вскочил и приблизился к нам. Я думал, что он ударит меня, но он сурово сказал:

— Едем! Нам пора.

При прощании хозяйка удержала мою руку в своей и прошептала:

— Ведь вы навестите меня? Я буду так рада! Мерси за букет. Приезжайте одни.

Мимозов это слышал.

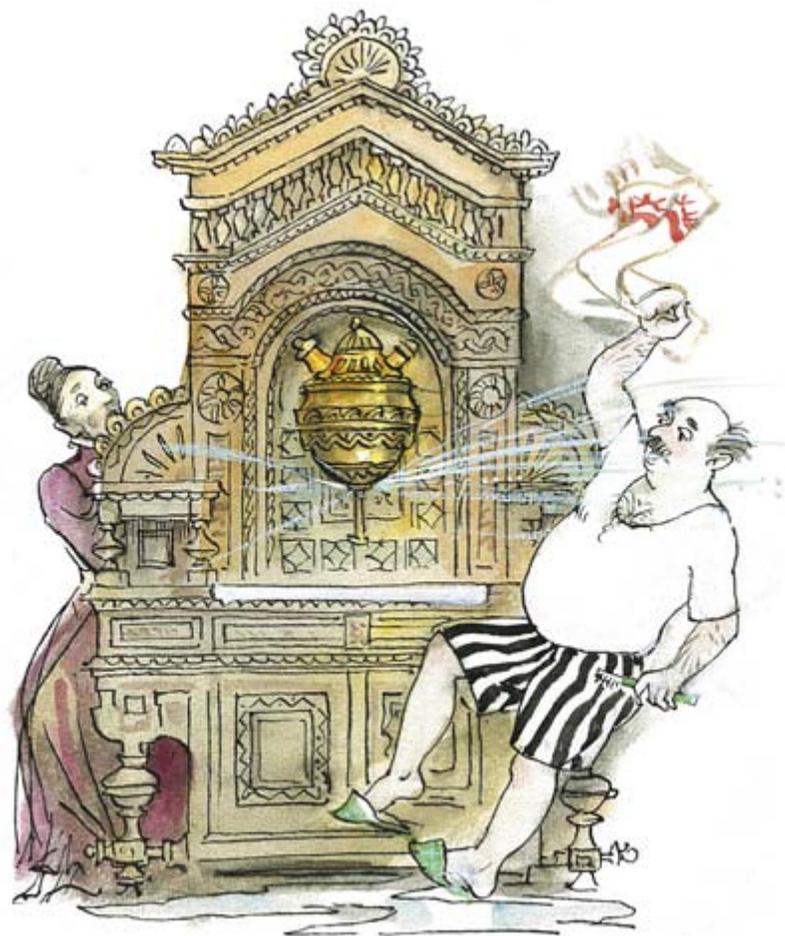
III

Возвращаясь домой, мы долго молчали. Потом я спросил задушевым тоном:

— А любишь ты детскую елку, когда колокола звонят радостным благовестом и румяные детские личики резвятся около дерева тихой радости и умиления? Вероятно, тебе дорога летняя лужайка, освещённая золотым солнцем, которое ласково греет травку и птичек... Или первый поцелуй тёплых губок любимой женщины...

Падая с пролетки и уже лёжа на мостовой, я успел ему крикнуть:

— Да здравствует тайна!

ОТЕЦ

Стоит мне только вспомнить об отце, как он представляется мне взбирающимся по лестнице, с оживлённым озабоченным лицом и размахистыми движениями, сопровождаемый несколькими дюжими носильщиками, обременёнными тяжёлой ношей.

Это странное представление рождается в мозгу, вероятно, потому, что чаще всего мне приходилось видеть отца взбирающимся по лестнице, в сопровождении кряхтящих и ругающихся носильщиков.

Мой отец был удивительным человеком. Всё в нём было какое-то оригинальное, не такое, как у других... Он знал несколько языков, но это были странные, не нужные никому другому языки: румынский, турецкий, болгарский, татарский. Ни французского, ни немецкого он не знал. Имел он голос, но когда пел, ничего нельзя было разобрать — такой это был густой, низкий голос. Слышалось какое-то удивительное гроыхание и рокот до того низкий, что казался он выходящим из-под его ног. Любил отец столярные работы, но тоже они были как-то ни к чему — делал он только деревянные пароходики. Возил-ся над каждым пароходиком около года, делал его со всеми деталями, а когда кончал, то, удовлетворенный, говорил:

— Такую штуку можно продать не меньше чем за пятнадцать рублей!

— А материал стоил тридцать! — подхватывала мать.

— Молчи, Варя, — говорил отец. — Ты ничего не понимаешь...

— Конечно, — горько усмехаясь, возражала мать. — Ты много понимаешь...

Главным занятием отца была торговля. Но здесь он превосходил себя по странности и ненужности — с коммерческой точки зрения — тех операций, которые в магазине происходили.

Для отца не было лучшего удовольствия, как отпустить кому-нибудь товар в долг. Покупатель, задолжавший отцу, делался его лучшим другом... Отец

зазывал его в лавку, поил чаем, играл с ним в шашки и бывал обижен на мать до глубины души, если она, узнав об этом, говорила:

— Лучше бы он деньги отдал, чем в шашки играть.

— Ты ничего не понимаешь, Варя, — деликатно возражал отец. — Он очень хороший человек. Две дочери в гимназии учатся. Сам на войне был. Ты бы послушала, как он о военных порядках рассказывает.

— Да нам-то что от этого! Мало ли кто был на войне — так всем и давать в долг?

— Ты ничего не понимаешь, Варя, — печально говорил отец и шёл в сарай делать пароход.

Со мной у него были хорошие отношения, но характеры мы имели различные. Я не мог понять его увлечений, скептически относился к пароходам, и, когда он подарил мне один пароход, думая привести этим в восторг, я хладнокровно, со скучающим видом потрогал какую-то деревянную штучку на носу крошечного судна и отошёл.

— Ты ничего не понимаешь, Васька, — сказал, сконфузившись, отец.

Я любил книжки, а он купил мне полдюжины каких-то голубей-трубачей. Почему я должен был восхищаться тем, что у них хвосты не плоские, а трубой, до сих пор считаю невыясненным. Мне приходилось вставать рано утром, давая этим голубям корм и воду, что вовсе не увлекало меня. Через три-четыре дня я привёл в исполнение адский план — открыл дверцу голубиной будки, думая, что голуби сейчас же улетят. Но проклятые птицы вертели хвостами и мирно сидели на своём месте. Впрочем, открытая дверца принесла свою пользу: в ту же ночь кошка передушила всех трубачей, принеся мне облегчение, а отцу горе и тихие слёзы.

Как всё в отце было оригинально, так же была оригинальна и необычная его страсть — покупать редкие вещи. Требования, которые предъявлял он к этого рода операциям, были следующие: чтобы вещь приводила своим видом всех окружающих в удивление, чтобы она была монументальна и чтобы все думали, что вещь куплена за пятьсот рублей, когда за неё заплачено только тридцать.

Однажды на лестнице дома, где мы жили, послышалось топанье многочисленных ног, крики и кряхтенье. Мы выбежали на площадку лестницы и увидели отца, который вёл за собою несколько носильщиков, обременённых большой, странного вида вещью.

— Что это такое? — с беспокойством спросила мать.

Лучезарное лицо отца сияло гордостью и скрытой радостью человека, замислившего прехорошенький сюрприз.

— Увидите, — дрожа от нетерпения, говорил он. — Сейчас поставим его.

Когда «его» поставили и носильщики, облагодетельствованные отцом, удалились, «он» оказался колоссальной величины умывальником с мраморной, лопнувшей пополам доской и красным потрескавшимся деревом.

— Ну? — торжествующе обратился отец к окружающим. — Во сколько вы оцените эту штуку?

— Да для чего она? — спросила мать.

— Ты ничего не понимаешь, Варя. Алёша, скажи-ка ты — сколько, по-твоему, стоит сей умывальник?

Алёша — льстец, гиперболист и фальшивая низкопоклонная душонка — всплеснул измазанными чернилами руками и ненатурально воскликнул:

— Какая прелесть! Сколько стоит! Четыреста двадцать пять рублей!

— Ха-ха-ха! — торжествующе захохотал отец.

— А ты, Варя, сколько скажешь?

Мать скептически покачала головой:

— Да что ж... рублей пятнадцать за него ещё можно дать.

— Много ты понимаешь! Можете представить — весь этот мрамор, красное дерево и всё — стоит по случаю всего двадцать пять рублей! Вот сейчас мы его попробуем! Марья! Воды.

В монументальный рукомойник налили ведро воды... Нажатая ногой педаль не вызвала из крана ни одной капли жидкости, но зато, когда мы посмотрели вниз, ноги наши были окружены целым озером воды.

— Течёт! — сказал отец. — Надо позвать слесаря. Марья! Сбегай.

Слесарь повозился с полчаса над умывальником, взял за это шесть рублей и, уходя, украл из передней шапку.

Умывальник поселился у нас.

Когда отца не было дома, все с наслаждением умывались из маленького стенного рукомойника, но если это происходило при отце, он кричал, ругался, заставлял всех умываться из его покупки и говорил:

— Вы ничего не понимаете!

У всех было основание избегать большого умывальника. У него был ехидный отвратительный нрав и непостоянство в симпатиях. Иногда он обнаруживал собачью привязанность к сестре Лизе и давался умываться из него нормальным, обычным способом. Или дружил с Алёшей, был предупредителен к нему — покорный, как ребёнок, лил прозрачную струю на чёрные Алёшины руки и не позволял себе непристойных выходок.

Со всеми же другими поступал так: стоило только нажать на педаль, как из крана со свистом вылетала горизонтальная струя воды и попадала неосторожному человеку в живот или грудь; потом струя моментально опадала и, притаившись, ждала следующего нажатия педали. Человек нагибался и подставлял руки, надеясь поймать проклятую струю в том самом месте, куда она била.

Но струя не дремала.

Увидя склонённые плечи, она взлетала фонтаном вверх, обрушивалась вниз, обливала голову и затылок доверчивого человека, моментально пропадала и, нацелившись на ноги, орошала их так щедро, что человек, побеждённый умывальником, с проклятием отскакивал в сторону и убегал.

Иногда же умывальник вертел струей, как змея головой, поворачивал её, кривлялся, и тогда нужно было бегать вокруг этой монументальной дряни, чтобы поймать руками ускользящую увёртливую струю. Потом уже мы придумали делать на неё форменную облаву: становились вокруг, протягивали десяток рук, и загнанная струя, как ни изворачивалась, а кому-нибудь попадала...

Однажды на лестнице раздался знакомый топот и кряхтенье... Это отец, предводительствуя армией носильщиков, вёл новую покупку.

То была странная процессия.

Впереди три человека тащили громадный четырехугольник с отверстием посередине, за ними двое несли странный точёный стержень, а сзади замыкали шествие ещё два человека с каким-то подобием громадного глобуса и стеклянным матовым полушарием, величиной с крышу небольшого сарайчика.

— Что это? — с тайным страхом спросила мать.

— Лампа, — весело отвечал отец.

— А я думала — тумба для афиш.

— Не правда ли, — подхватил отец, — прегромадная вещь. Я и торговался полчаса, пока мне не уступили.

Лампу установили рядом с умывальником. Она была ростом под потолок и вида самого странного, на редкость неудобного — тяжёлая, некрасивая, похожая на какое-то чудовищное африканское растение.

— Ну, как думаешь, Алёша... Сколько она стоит?

— Три тысячи! — уверенно сказал Алёша.

— Ха-ха! А ты что скажешь, Варя?

Мать, севши в уголку, беззвучно плакала.

С отца весь восторг сразу слетел, и он, обескураженный, подошёл к матери, нагнул и нежно поцеловал её в голову.

— Эх, Варя! Ты ничего не понимаешь!.. Васька! Сколько, по-твоему, должна стоять такая лампа?

— Семь тысяч, — сказал я, обойдя вокруг лампы. — По крайней мере, я дал бы за неё столько, лишь бы её отсюда убрали.

— Много ты понимаешь! — растерялся отец.

Лампа оказалась из одного семейства с умывальником.

Керосин (четырнадцать фунтов), налитый в неё, потёк, отравил воздух, а когда слесарь исправил её (тот самый, который украл шапку), то лампа втянула в себя громадный черный фитиль и ни за что не хотела выпустить его. Вытащенный какими-то щипцами, фитиль загорелся, но так начался, что соседи пришли спасать нас от пожара, предлагая бесплатные услуги по выносу вещей и тушению огня.

А громадная необъятная лампа горела маленьким микроскопическим огоньком, таким, какой теплится в лампадке у икон, тихо потрескивала и язвительно прищёлкивала своим крохотным красным язычком.

Отец стоял перед ней в немом восторге.

Однажды на лестнице послышался такой же шум, грохот и крики.

— Что ещё? — выскочила мать.

— Часы, — счастливо смеясь, сообщил отец.

Это было самое поразительное, самое неслыханное из всего купленного отцом.

По громадному циферблату стремительно носились две стрелки, не считаясь ни с временем, ни с усилиями людей, которые вздумали бы удержать их от этого. Внизу грозно раскачивался колоссальный маятник, делая размах аршина четыре, а впереди весь механизм хрипло и тяжело дышал, как загнанный носорог или полузадушенный подушкой человек...

Кто их сделал? Какому пьяному, ненормальному, воспалённому алкоголем мозгу явилась мысль соорудить этот безобразный неуклюжий аппарат, со всеми частями, болезненно, как в бреду, преувеличенными, с ходом без логики и с пьяным отвратительным дыханием внутри, дыханием их творца, который, может быть, окошел уже где-нибудь под забором, истерзанный белой горячкой, изглоданный ревматизмом и подагрой.

Часы стали рядом с умывальником и лампой, перемигнулись и сразу поняли, как им вести себя в этом доме.

Маятник стремительно носился от стены к стене и всё норовил сбить с ног нас, когда мы стремглав проскакивали у него сбоку... Механизм ворчал, кашлял и стонал, как умирающий, а стрелки резвились на циферблате, разбегаюсь, сходясь и кружась в лихой вакхической пляске...

Отец вздумал подчинить нас времени, показываемому этими часами, но скоро убедился, что обедать придётся ночью, спать в полдень и что нас через неделю исключат из училищ за появление на уроки в одиннадцать часов вечера.

Часыгодились нам как спортивный, невиданный доселе нигде аппарат... Мы брали трехлетнюю сестрѐнку Олю, усаживали её на колоссальный маятник, и она, уцепившись судорожно за стержень, носилась, трепещущая, испуганная, из стороны в сторону, возбуждая веселье окружающей молодѐжи.

Мать назвала эту комнату «Проклятой комнатой».

Целый день оттуда доносился удушливый запах керосина, журчали ручейки воды, вытекавшей из умывальника на пол, а по ночам нас будили и пугали страшные стоны, которые испускали часы, перемежая иногда эти стоны хриплым зловецим хохотом и ржаньем.

Однажды, когда мы вернулись из школы и хлынули толпой в нашу любимую комнату повеселиться около часов, мы отступили, изумлѐнные, испуганные: комната была пуста, и только три крашенных четырёхугольника на полу показывали те места, где стояли отцовы покупки.

— Что ты с ними сделала? — спросили мы мать.

— Продала.

— Много дали? — спросил молчавший доселе отец.

— Три рубля. Только не они дали, а я... Чтобы их унесли. Никто не хотел связываться с ними даром...

Отец опустил голову, и по пустой комнате гулко прошѐлся его подавленный шѐпот:

— Много ты понимаешь!

Теперь он умер, мой отец.

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925), прозаик, журналист.

Родился 15 марта в Севастополе в семье купца. Получил домашнее воспитание, так как из-за плохого зрения и слабого здоровья не мог учиться в гимназии. Очень много и без разбора читал.

В пятнадцать лет поступил на работу младшим писцом в транспортную контору. Через год уехал из Севастополя и стал работать конторщиком на Брянском угольном руднике, где прослужил три года. В 1900 году переехал в Харьков.

В 1903 году в харьковской газете «Южный край» был опубликован первый рассказ Аверченко «Как мне пришлось застраховать жизнь», в котором уже чувствуется его литературный стиль. В 1906 году стал редактором сатирического журнала «Штык», почти полностью представленный его материалами. После закрытия этого журнала возглавил следующий — «Меч», тоже вскоре закрытый.

В 1907 году переехав в Петербург, начал сотрудничать в сатирическом журнале «Стрекоза», позднее преобразованном в «Сатирикон», а в 1913 в «Новый Сатирикон».

В 1910 году вышли три книги Аверченко, сделавшие его известным всей читающей России: «Весѐлые устрицы», «Рассказы (юмористические)», книга I, «Зайчики на стене», книга II.

«...Их автору суждено стать русским Твенем...» — пронзительно заметил В. Полонский.

Вышедшие в 1912 году книги «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих» утвердили за автором звание «короля смеха».

Февральскую революцию Аверченко встретил восторженно, но Октябрьскую — не принял. Осенью 1918 уехал на Украину, а затем в Севастополь, где до конца 1920 занимался журналистской деятельностью, сотрудничал в газетах «Приазовский край» и «Юг», вы-

ступал с чтением своих рассказов, заведовал литературной частью в «Доме артиста». В это же время создал пьесы «Лекарство от глупости» и «Игра со смертью», а в апреле 1920 году организовал свой театр «Гнездо перелѐтных птиц». Через полгода эмигрировал через Константинополь за рубеж; с июня 1922 жил в Праге, ненадолго выезжая в Германию, Польшу, Румынию, Прибалтику.

В 1921 году была опубликована его книга «Дюжина ножей в спину революции», в 1922 году сборник рассказов: «Дети», «Смешное в страшном», в 1925 году в Праге вышел юмористический роман «Шутка мецената» и др.

В 1924 году перенѐс операцию по удалению глаза, после которой долго не мог оправиться; вскоре резко обострилась болезнь сердца.

Скончался в Пражской городской больнице в 1925 году. Похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

ДЖОТТО

Святой Франциск отдаёт свой плащ. Фреска Верхней церкви Сан Франческо в Ассизи. 1296–1300 гг.

Джотто ди Бондоне, или Джотто (ок. 1267–1337) — итальянский художник и архитектор эпохи Проторенессанса, одна из ключевых фигур в истории западного искусства. Прео-

долел ранее существовавшую византийскую иконописную традицию и стал подлинным основателем итальянской школы живописи, разработал полностью новый подход к изо-

бражению пространства. Работами Джотто вдохновлялись Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело.

Родился в 1267 году, предположительно непо-

Встреча Иоакима с пастухами. Фреска капеллы Скровеньи. XIV в.

Поклонение Волхвов. Фреска капеллы Скровеньи. XIV в.

далёку от городка Виккьо, расположенного к востоку от Флоренции, в деревне Колле ди Веспиньяно. Отец будущего художника носил имя Бондоне и был крестьянином. Позже Джотто приобрёл в Веспиньяно земли и дома. Согласно другой версии, Джотто родился по Флоренции, в приходе церкви Святого Панкратия. Неоднократно во флорентийских документах художник упоминается как *del popolo di Santa Maria Novella*. Его отец, по этой же версии, был кузнецом. Имя Джотто, возможно, сокращение от Анджиолотто или Амброджотто.

По словам Вазари, был учеником Чимабуэ, но эту точку зрения подвергают сомнению современ-

Благовещение. Фреска капеллы Скровеньи. XIV в.

Бегство в Египет. Фреска капеллы Скровеньи. XIV в.

ные исследователи. Считается литературной легендой сегодня и рассказ о том, что Чимабуэ увидел юного пастушка Джотто, рисующего овцу, и восхитился его талантом. Вазари считал, что Чимабуэ и Джотто работали вместе над фресковыми росписями церкви Сан-Франческо в Ассизи, и второй превзошёл первого.

В одном из документов 1301 года Джотто назван владельцем дома во Флоренции. К этому времени он уже вступил в брак, имя его супруги — Чиута ди Лаподель Пела. У них было восемь детей, и один из сыновей стал живописцем.

Роспись верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи была начата примерно в 1288 году. Две сцены

Св. Франциск изгоняет дьяволов из Ареццо. Фреска Верхней церкви Сан Франческо. XIV в.

Сон Иоакима. Фреска капеллы Скровеньи. XIV в.

в верхнем ярусе церкви, посвящённые истории Исаака и Иакова, долгое время относили к работам неизвестного мастера. Эти сцены основательно отличаются своими художественными достоинствами от других фресок Сан Франческо. Композиционное построение, живость персонажей, тонкая моделировка с помощью светотени позволяли говорить о появлении принципиально нового направления в живописи того времени. Позднее исследователи обратили внимание на сходство этих фресок с изображением Иоанна с Распятия из церкви Санта-Мария Новелла во Флоренции и пришли к выводу, что обе работы завершены примерно в одно и то же время (около 1290) и их автором является Джотто. Цикл работ из двадцати восьми эпизодов был создан в довольно короткий срок — два года, что предполагает работу не одного художника, а целой мастерской. Фрески отличаются цельностью замысла, ровным изобразительным языком и общим иллюзионистским решением.

Фрески в нижней церкви Сан Франческо на тему молодости и распятия Христа выполнены мастерской Джотто позднее, в 1315–1320 годах. Фрески на средокрестном своде нижней церкви (1308–1328) впервые приписал Джотто Вазари. Они посвящены прославлению добродетелей святого Франциска, восстановителя евангельских норм. Аллегорические фрески изображают Послушание, Благоразумие и Смирение. Венец цикла — прославление святого Франциска (*Gloriosus Franciscus*), где святой вступает в Царствие Небесное. Исследователи отмечают необычный, очень светлый колорит фресок, который достигается тончайшей градацией жёлтого, розового и зелёного цветов.

Елена Тулушева
Художник Г. Лопачёва

Медаль

— И побеждает команда...

— Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! — шептала она, боясь открыть зажмуренные глаза, пока не услышит результат.

— Команда «Звёздочки»!

Голос молодой учительницы растворился в лавине детских криков.

Рита прыгала и кричала вместе со всеми, прикладывая ладошки к ушам. Её пшеничные косички пружинили в такт. Это была её самая первая школьная победа, и улыбка оголяла ещё не подростковые коренные зубы.

— Команда победителей получает... Золотые медали! Но не обычные, а даже шоколадные! Но только если все встанут в один ряд.

Рита прижала кулачки к груди в ожидании своей очереди. Анна Михайловна высыпала из пакета на поднос целую гору блестящих рыжих медалей и направилась к выстроившимся первоклашкам. Когда она подошла к Рите, поднос ещё был заполнен наградами, и глаза ребёнка суетливо выискивали «ту самую».

— Ну же, Маргарита! Выбери скорее, ребята ждут. Она снова зажмурилась, положила руку на холодные шуршащие медальки и ухватила одну, быстро зажав в кулачок. Когда учительница отправила победителей за парты, Рита наконец раскрыла ладонь и начала любоваться призом. «Какая же красивая!» — восхищалась она. Медалька была тяжёлой и твёрдой, с выпуклой единицей на одной стороне и двуглавым орлом на другой. Бок медальки был неровный из-за плотных складок фольги.

— Это герб нашей страны: орёл с двумя головами, мне папа говорил! — донеслось сбоку.

Рита, подняв глаза, увидела веснушчатый нос Егора.

— Мне на Новый год такие дарил, — безразлично морщась, продолжил он.

— Ну и что! — затараторила Рита. — Мне тоже дарили, но те совсем другие! Эти — настоящие, потому что мы победили! А те — совсем-совсем ненастоящие. Просто подарочные.

— Ну и что. А мне мама сегодня «киндер» купит. За просто так. Просто она меня любит.

Но Рита уже не слышала обиженного ворчания соседа. Она представляла, как покажет свою медаль маме, а вечером — папе и бабушке. И как все они будут улыбаться и поздравлять её, а она будет пересказывать им вопросы викторины, за которые её команда получила награду.

В классе слышались бурные обсуждения и шелест фольги. Большинство ребят уже уплетали шоколадки, неловко пытаясь соединить две части оставшегося фантика. Самый находчивый — Матвей — продырявил фольгу карандашом и надел на верёвочку с крестиком. «Как у настоящего спортсмена!» — кричал он, похлопывая себя по животу.

Рита с улыбкой оглядывала класс, радуясь за каждого победителя ничуть не меньше, чем за саму себя, с той искренней детской добротой, которая обычно растворяется в потоке разочарований и обид по мере приближения к подростко-

вому возрасту. Она положила свой трофей в пенал и весь следующий урок поглядывала на блестящий уголок, выглядывающий из глубины.

На перемене девочки побежали в коридор: Вера обещала показать, как научилась делать колесо. Новые эмоции захлестнули детей, с восторгом наблюдавших за гибкостью одноклассницы.

Прозвенел звонок — и все поторопились в класс. Запыхавшаяся Рита побежала к своей парте, зашептала Егору: «Там Вера... такое колесо показывала! Она... она сказала, что на «продлёнке» нас будет учить! Ты умеешь? Колесо делать умеешь?» Услышав в ответ что-то неразборчивое, она взглянула на Егора и, не успев начать фразу, удивлённо замерла. Егор торопливо что-то дожёвывал, а в левом кулачке у него блестела жёлтая фольга.

— А у тебя откуда медалька? — Она изумлённо подняла брови. — Вы ведь не победили, а медальки — только победителям.

Ей стало немного обидно, что кому-то досталась награда просто так. Мама говорила, что всё должно быть по честному.

— Это не медалька. Это — шоколадка. То есть конфета такая. Шоколадная... да, шоколадная конфета у меня.

Егор вытер рот тыльной стороной ладони и засунул фантик в карман.

— Солнце моё, ну, нашла из-за чего плакать! — Мама нежно прижимала к себе вздрагивающую от всхлипываний Риту.

— Я, я хотела, хотела вам всем показать... чтобы вы увидели и поверили, что мы победили!

Слёзы текли сами собой тёплыми струйками по щекам и шее, закатываясь за воротничок блузки.

— Зайнчка моя! Я и так верю тебе, что вы победили. Ты моя умница. Я тобой очень горжусь. И дома мы всем расскажем. Ну, давай, переставай плакать, ты у нас молодец! Давай я тебе ещё одну медальку куплю. Ты ведь по честному заслужила.

Мама достала бумажный платок и нежно промокнула влажные щёки дочери.

— Это же совсем не та будет, мамочка! Та ведь была по честному, а эта будет за просто так. Как Егор съел — ни за что!

Рите было очень обидно, что всё вышло совсем не по справедливости, как всегда учили дома. И никто уже не мог этого исправить. И новая медалька была бы совсем не такой настоящей.

— Очень грустно, что он съел. Но, я думаю, он не специально. Наверное, он очень расстроился, что не победил и что его никто не угостил. Вот и не удержался, так иногда бывает даже у взрослых. — Мама аккуратно заправила Ритины растрепавшиеся косички под бе-

ретку и взяла её за руку. — Идём, по дороге поговорим.

— Как же это так бывает, что не удержался? Почему его надо было угощать — медалька же за победу. Это же не по-честному! Ты же сама говорила!

На крыльце школы было зябко и пахло опавшими листьями. Моросил противный мелкий дождик.

— Я теперь с ним тоже дружить не буду!

— Знаешь, мне кажется, нам стоит сделать по-другому. Давай я тебе завтра дам с собой большую шоколадку. Чтобы и тебе хватило, и Егору.

— Это зачем Егору? Это же он сегодня мою медальку съел! Я его угощать не хочу! Он нечестно сделал! — Рита удивлённо слушала маму, и ей становилось ещё обиднее.

— Я понимаю. Это сложно объяснить. Просто дружба, солнышко, она важнее любых медалей. Это я тебе как мама говорю. Ты попробуй и увидишь. Дружбу потерять очень легко. А сделать шаг навстречу бывает очень трудно.

— Мапочка, а как же по-честному? Я же победила, а он у меня съел медальку. А за что же ему ещё и шоколадку?

— Маленькая моя, справедливость — это очень важно. А иногда стоит сделать по-доброму, понимаешь?

Рита молча хмурилась, разглядывая, как жёлтые резиновые сапожки бесстрашно наступают в скучные, чёрные лужи. Дождь перестал моросить, и среди туч постепенно начали проглядывать кусочки голубого неба. На душе было муторно. Ей не хотелось расстраивать маму, но в то же время первый раз она сомневалась в её совете. Раньше всё было очень просто, а теперь... В голове мысли скакали: «Странная она — эта их справедливость».

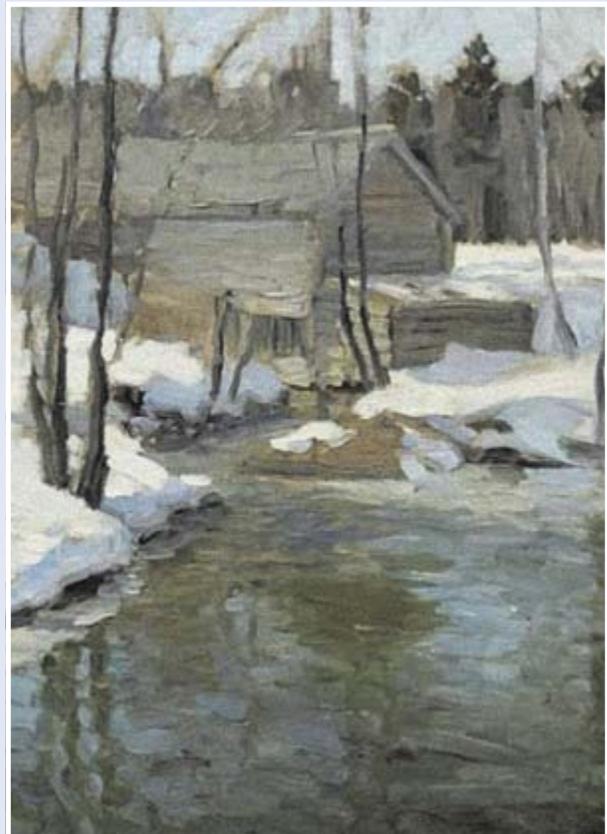
ЖИВОЙ УГОЛОК

Иван Соколов-Микитов

Март в лесу

По-весеннему пахнет воздух. Отбрасывая на снег лиловые тени, недвижно стоят в лесу деревья... Чуткое ухо ловит первые знакомые звуки весны. Вот почти над самой головой послышалась звонкая барабанная трель... Это, выбрав сухое звонкое дерево, по-весеннему барабанит лесной музыкант — пёстрый дятел. Если прислушаться хорошенько, непременно услышишь: там и там в лесу, ближе и дальше, как бы переключаясь, торжественно звучат барабаны. Так барабанчики-дятлы приветствуют приход весны.

Вот, прогретая лучами мартовского солнца, сама собой свалилась с макушки дерева, рассыпалась снежной пылью тяжёлая белая шапка...

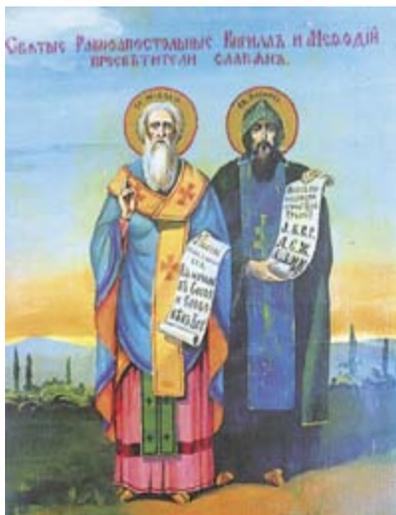
В. Бялыницкий-Бируля. Весна. 1930 г.

Первоучители

Почти за сто лет до Крещения Руси совершилось великое событие: в первый раз раздалось на земле слово Божие на родном для славян языке. Это великое дело совершили два брата, Кирилл и Мефодий, которые получили наименование первоучителей славянских.

Кирилл (в мире Константин) и Мефодий родились в греческом государстве, в городе Солуни. Отец их был очень знатный вельможа. Мефодий сначала служил в войске, а потом долгое время управлял областью, населённую славянами. Но мирская жизнь была Мефодию не по душе, он желал посвятить себя на служение Богу. Мефодий оставил свою должность, удалился в обитель и постригся там в иноки. Кирилл с детства отличался блестящими способностями и успехами в учении. Сначала он воспитывался дома, а потом был взят во дворец и учился вместе с малолетним императором. По окончании учения Кирилл принял сан священника и заведовал бо-

гато библиотекою. Тут он ещё более просветил свой ум и обогатился познаниями. Но подобно своему брату Мефодию, Кирилл любил уединение; он скоро оставил свои занятия и удалился к брату в обитель.

Когда Кирилл и Мефодий проживали в обители, к греческому императору прибыли послы от князей славянских из Моравии и Паннонии. Послы эти сказали императору:

«Народ наш отрёкся от язычества и держится веры христианской; но у нас нет учителя, который мог бы объяснить нам эту

веру на нашем родном языке. Просим тебя, государь, позаботься о нашем спасении и пришли к нам такого наставника!» Император посоветовался с патриархом. Решили, что дело это можно поручить только Кириллу и Мефодию, так как оба брата хорошо знали славянский язык и уже ходили на проповедь.

До того времени у славян не было азбуки, не было и книг на славянском языке. Но это не смутило братьев-проповедников. Кирилл решился составить азбуку и перевести Евангелие на славянский язык. Приступая к такому святому делу, Кирилл постился сорок дней и усердно молил Бога о помощи. В трудах ему помогал Мефодий. В 862 году перевод Евангелия был окончен и братья отправились в Моравию. Греческий император писал моравскому князю: «Бог увидел твою веру и ревность. Он открыл для вашего языка письмена, которых вы ещё не знаете. Мы посылаем к тебе того самого мужа, чрез которого Господь явил эти письмена, мужа достойного и учёного».

По прибытии в Моравию Кирилл и Мефодий ревностно

Собор великомученика Димитрия Солунского в г. Солоники (г. Солунь) в Греции

СЛАВЯНСКИЕ

ЛИЦЕЙ

занялись святым делом: они просвещали народ, учили славянской грамоте, вводили богослужение на славянском языке. Сам князь моравский помогал братьям-проповедникам и строил церкви, в которых богослужение совершалось на родном народу славянском языке.

Это очень не нравилось немцам, и они стали нападать на Кирилла и Мефодия. Немецкие священники утверждали, что Евангелие можно проповедовать только на трёх языках: еврейском, греческом и латинском, ибо на этих трёх языках была начертана надпись на кресте Господнем. Кирилл на это говорил: «Не на всех ли одинаково падает дождь небесный? Не всем ли людям Господь желает спасения, не для спасения ли всех Он пришёл на землю? А потому не все ли люди должны славить и благодарить Его? Как же вам не стыдно признавать только три языка, а остальные народы заставлять быть немыми и глухими?..» Наконец Кирилл и Мефодий были потребованы в Рим к папе. Папа, однако, оправдал проповедников и благословил их дело.

Но Кириллу не пришлось уже вернуться в Моравию. Тяжёлые труды так расстроили его здоровье, что он в Риме сильно занемог и скончался сорока двух лет от роду (в 869 году). Пред своею кончиною Кирилл принял монашество. Он убедительно просил брата своего Мефодия не бросать начатого дела.

«Брат мой! — говорил Кирилл. — До сих пор мы были с тобою как бы два вола, запряжённые в один плуг; вот я умираю и падаю на борозде. Но молю тебя, не оставляй нашего дела, ибо этим подвигом ты

Миниатюра из Радзивилловской летописи (XIII в.), на которой изображены создатели азбуки Кирилл и Мефодий

скорее спасёшься, чем в своей обители».

По смерти Кирилла Мефодий был возведен в сан епископа.

Такое возвышение Мефодия привело в ярость его противников. Начались на него новые клеветы и гонения. На этот раз враги Мефодия восторжествовали. Между моравским князем и немецким императором возникла война; моравский князь был побеждён, и в столице Моравии поселились немецкие наместники. Этим и воспользовались враги Мефодия; они схватили его и отправили на заточение в немецкую землю.

Здесь Мефодий подвергался разным мучениям, но Бог хранил его. Ученики Мефодия и сам Мефодий не раз жаловались папе, но немцы были сильны, и папа на эти жалобы не обращал никакого внимания. Так продолжалось почти три года.

Наконец, когда немцы были изгнаны из Моравии, Мефодий был освобождён и вернулся к своей пастве. Гонения на Мефодия и после того не прекращались; ему приходилось даже ездить в Рим на суд к папе; но Мефодий с твёрдостью

переносил все гонения и притеснения. Он усердно продолжал святое дело просвещения и проповеди между славянами. Мефодий дожил до глубокой старости и скончался 6 апреля 885 года. Почувствовав приближение кончины, Мефодий собрал своих учеников-священников и заповедал им жить по слову Божию.

По смерти Мефодия латинское духовенство вытеснило всё-таки славянское богослужение в Моравии. Ученики Кирилла и Мефодия ушли к болгарам (дунайским) и продолжали здесь подвиги первоучителей, переводя священные и богослужебные книги на славянский язык. Язык этот ничем не отличается от того языка, на котором говорили наши предки славяне. Поэтому, когда была принята христианская вера на Руси, из Болгарии были привезены священные и богослужебные книги, написанные на родном для русского народа языке. С того времени началась на Руси грамотность.

А сегодня в России церковный праздник святых Кирилла и Мефодия празднуется 24 мая как государственный.

«ЖИТЬ, ДУМАТЬ,

Удивительно, но факт: Борис Пастернак связал сразу несколько эпох в русской поэзии. Он дружил с Владимиром Маяковским, долго был под его влиянием — не столько как поэт, а как человек, разделяющий взгляды великого новатора и «рупора революции». И это было почти сто лет назад. И он же, Борис Пастернак, давал Виктору Бокову, уж точно нашему современнику (не так давно ушёл из жизни), рекомендацию для вступления в Союз писателей. И тем более интересен нам Борис Пастернак как лауреат до сих пор самой престижной в мире премии — Нобелевской.

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

*До сущности протекших
дней,
До их причины,*

*До оснований, до корней,
До сердцевины.*

*Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать,
любить,
Свершать открытья... —*

так начинается одно из самых известных стихотворений Пастернака.

А талант поэта вырос отнюдь не на пустом месте. Отец поэта, Леонид Осипович Пастернак, был академиком живописи, и в их доме бывали Исаак Левитан, Михаил Нестеров, Василий Поленов, Николай Ге, музыканты и писатели, в том числе Лев Толстой. Мать Пастернака была пианисткой, и, естественно, это не могло не отразиться на впечатлительном сыне. Вот в такой среде рос будущий большой поэт.

Под влиянием композитора Александра Николаевича Скрябина подросток Борис Пастернак несколько лет занимается музыкой, и сам создаёт несколько произведений, причём многие предсказывают ему композиторское будущее. Добавим к этому, что по пути от музыки к поэзии он очень серьёзно увлёкся философией и несколько лет занимался ею в Германии у известных учёных.

Естественно, что всё это ложилось в копилку будущего творца поэзии, обогащало природный талант, давало знания и многогранность творческого ощущение,

гармонию слова и чувства. Не случайно многие стихи Пастернака, по сути своей, музыкальны, и потому на них пишутся песни. Да вот, пожалуйста:

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*...Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

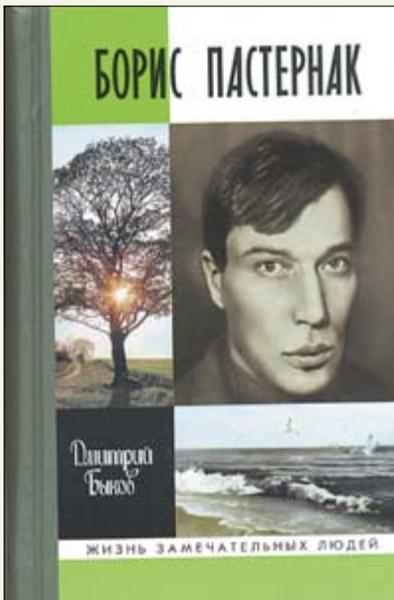
И вот — 1913 год, первый сборник «Лирика». Далее, в годы революционных перестроек, вышли книги «Поверх барьеров» и «Сестра моя — жизнь». В них уже явен зрелый поэт со своим видением мира, своим почерком и стилем.

Пастернак так же, как и многие, жаждавшие пере-

Борис Пастернак (справа) и его брат Александр. Москва, 1898 г.

ЧУВСТВОВАТЬ, ЛЮБИТЬ...»

мен, возлагал большие надежды на новую власть. И он обращается к эпосу. Создаются поэмы «Лейтенант Шмидт» и «Девятьсот пятый год», которые получают читательский отклик и признание критики, а имя Пастернака становится известным и уважаемым, в том числе властями.

В революционные годы он сходится с Маяковским как лидером новой поэзии, новых взглядов на искусство. Мощная личность Владимира Владимировича приковывала к себе, и не случайно в документальной «Охранной грамоте» Пастернака немало ярких страниц посвящено знаменитому поэту.

Но вернёмся к лирике Бориса Леонидовича, именно она проторила дорогу к сердцам миллионов читателей у нас и за границей, судя по многочисленным изданиям. И хотя об истинной поэзии говорить очень трудно (го-

раздо приятнее читать или слушать её), нельзя не отметить, что в его стихах будто сходятся небо и земля, то есть, земные чувства всегда перекликаются с чем-то высоким и тайным для разума, что и составляет волшебство искусства.

*Февраль. Достать чернил
и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.*

*Достать пролётку.
За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик
колёс,
Перенестись туда,
где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.*

*Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.*

*Под ней проталины
чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем
вернее
Слагаются стихи навзрыд.*

В 1936 году поэт переезжает в подмосковный посёлок Переделкино и вплоть до со своей кончины в 1960 году живёт и работает в этих относительно тихих и живописных местах. И сегодня живы ещё дачи, ставшие, по сути, музеями, — Корнея Чуковского, Булата Окуджавы, Бориса Пастернака, — напомним, лауреата Нобелевской премии.

В годы войны Борис Леонидович как поэт и журналист с бригадой писателей нередко выезжал на фронт, колесил по военным дорогам Орловского и Калужского краёв, после чего появлялись новые стихи и очерки. В эти же годы был продолжен большой цикл переводов из Шекспира. Заметим кстати, что именно Борису Пастернаку обязаны многие грузинские поэты, ставшие известными не только на своей родине. Это Бараташвили, Пшавела, Чиковани, Табидзе и другие. Талант поэта и переводчика делал эти произведения предметами высокого искусства.

Петька из 4 «А» и его новый придумка

БУХТИНЫ

Художник В. ЮДИН

«Пылесос»

Первых же дней, как Петька попал в новую школу, он ловил на себе взгляды ребят: одни смотрели на него, ухмыляясь, другие — с явным презрением, третьи — с любопытством, мол, а что будет дальше...

А дальше было вот что. На пятой или шестой день, как Петька стал ходить в новую школу, на перемене никто из класса не вышел. Все, столпившись, окружили Петьку. Только один сидел за своей партой — толстый такой, важный...

— А ну подойди ко мне! — изрёк он.

— Чего? — протянул Петька. — Тоже мне командир нашёлся!

Тут надо сказать, что Петька был не робкого десятка. В своей прежней школе он не раз дрался. Одним словом, в обиду себя не давал.

— Я сказал — ко мне!

— А пошёл ты куда подальше! — огрызнулся Петька.

Толстый поднял руку, и тут же кто-то из ребят подскочил к Петьке и толкнул его в грудь. Петька кубарем полетел на пол. И хотя он сильно ударился затылком, он понял, что ему устроили «подсадку»: один, пригнувшись, встал

за его спиной, а другой толкнул спереди.

Петька хотел было подняться, но не тут-то было — четверо схватили его за ноги и подволокли к тому толстому.

— Петенька, — неожиданно ласково заговорил тот. — Что-то у нас в классе пол запылился. Пора его пропылесосить.

Класс дружно заржал. И под это ржанье те, кто держал Петьку за ноги, поволокли его по проходу между партами. Петька, пытаясь освободиться, брыкался, извивался, но ребята только хохотали.

Когда Петька шёл домой, его догнал один мальчишка из его класса.

— Ты чего, не понял? — испуганно оглядываясь,

заговорил он. — Этот толстый, ну который командовал, — самый крутой. Он — король! И полкласса — тоже короли! А остальные, — мальчишка замялся, — остальные — шесть-шесть...

— Какие короли? Какие шесть-шесть? — Петька даже остановился. — Чего ты городишь!

— А вот узнаешь, какие... Мною тоже пыль вытирали, — тихо сказал мальчишка, — когда я...

Барабашка

«Ну, я им покажу! Тоже мне короли нашлись! Они меня ещё узнают!» — зло шептал Петька, ходя по комнате. Но чем больше он распалял себя, тем печальнее становились его мысли. «Их же вон сколько! Они и завтра могут что-нибудь устроить... И зачем мы сюда переехали? Подумаешь, квартира больше!» И Петька стал вспоминать свою прежнюю квартиру, двор, а главное — школу, свой четвёртый «А», где не было никаких королей и шестёрок.

Но тут я, пожалуй, оставлю Петьку с его воспоминаниями и расскажу кое-что о его новой квартире. Тем более что это «кое-что» имеет прямое отношение к тому, что произойдёт дальше в моём рассказе.

Так вот, когда Петькин отец ещё только собирался переезжать на новую квартиру, соседи говорили ему, что эту квартиру не зря обменивают: она нехорошая. В ней, нашёптывали соседи, живёт... барабашка.

Кто впервые слышит это слово, поясню: барабашка — это такое невидимое существо, которое очень любит проказничать. Ну, там разбить чашку, передвинуть стол, погромыхать чем-нибудь среди ночи...

Эти разговоры насчёт барабашки отец называл ерундой, чушью. И они переехали. И буквально на следующий день, ког-

да родители были на работе, начались эти чудеса: хрустальная ваза, которая стояла на столе, ни с того ни с сего закачалась, поползла по столу и рухнула на пол. И вдребезги разбилась. Обвинили в этом, конечно, Петьку, хотя он клялся и божился, что к этой вазе не прикасался. «Ты знаешь, сколько она стоит!» — кричала мама. А на следующий день... Петька стоял в ванной комнате и разглядывал прыщ, который вскочил у него на подбородке. И вдруг кто-то сзади толкнул его в спину, и он прямо лбом ткнулся в зеркало. Хорошо хоть, оно не разбилось, а то опять бы оказался виноватым.

После этого случая Петька задумался — а что, если соседи говорили правду, и в их квартире действительно живёт эта самая барабашка. И он решил это проверить.

— Эй, барабашка, или как там тебя! Если ты есть на самом деле — докажи! — Петька на секунду задумался. — О, подойди ко мне и схвати за уши! — И только он это сказал, как кто-то невидимый схватил его за уши. И не просто схватил — голова его заходила ходуном, завертелась.

«Значит, это правда!» — протянул обалдевший Петька, когда его голова перестала вертеться туда-сюда. — Значит, вместе со мной в квартире живёт невидимка! Ни у кого нет, а у меня есть! Вот это да! С ним надо срочно подружиться! Слушай, дай пять! — И Петька протянул руку. И тут же почувствовал крепкое рукопожатие. — А ты хоть и невидимый, а рука у тебя — будь здоров!

И вот тут-то ему и пришла эта мысль — взять в школу своего нового приятеля.

— Слушай, чего ты занимаешься всякой ерундой... У меня в школе проблемы! В моём классе завелись какие-то короли. И делают что хотят. Их надо проучить. Можешь мне помочь? У меня есть идея! Вот послушай, как это мы с тобой сделаем...

Опять про «пылесос»

За первой же переменке, когда Петька со своим невидимым приятелем пришли в школу, он подошёл к тому толстому королю и громко, чтоб все слышали, сказал:

— А не протереть ли нам пол, а то он опять, кажется, запылится? — Здесь Петька, оглядев всех, сделал паузу, подошёл вплотную к королю и выпалил: — А ну ложись!

— Чего? — оторопел толстый. Он даже встал, выйдя из-за парты. — Ты кому это сказал?

— Тебе, толстое твоё величество!

И в этот момент, как они отрепетировали дома, невидимый барабашка забе-

жал за толстого, пригнулся там, а Петька сильно толкнул его в грудь. Король плюхнулся на пол. А Петька с барабашкой, схватив его за ноги, поволокли по проходу между партами.

Весь класс стоял с разинутыми ртами и выпученными глазами.

Художник С. Крестовский

← ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Американский дядюшка

В XVI–XVII веках началась колонизация Америки. Туда потопом хлынули из Европы искатели приключений, люди, жаждавшие наживы, неудачники, в надежде, что им улыбнётся там счастье. Случилось, что некоторым из них действительно удавалось разбогатеть, и тогда они нежданно-негаданно обогащали своих терпевших нужду родственников, не только близких, но и дальних: племянников и проч.

В литературе и в театре XVIII–XIX веков одним из излюбленных героев стал такой американский дядюшка, выручавший из беды нищих племянников. А в переносном смысле выражение «у него американский дядюшка нашёлся» стало означать: «ему неведомо с чего повезло».

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 1, 2 за 2015)

Двигатель внутреннего сгорания

Современный мир — это царство механизмов. Большие и малые машины окружают нас со всех сторон. Но для каждой машины нужен двигатель. Первыми придуманными человеком двигателями были парус, ветряное и водяное колесо. Начало эпохи машинного производства ознаменовалось изобретением паровой машины, которая честно отработала на благо человека почти две сотни лет. Паровой двигатель сжигал уголь и приводил в движение паровозы, пароходы и многие другие механизмы. Но он был неэффективен и очень грязен, изрыгая в атмосферу пар, копоть и другие продукты сгорания. Следующим шагом в конструировании чистого двигателя, работающего на углеводородном топливе, был двигатель внутреннего сгорания. Под его знаком проходит весь XX век. Можно смело утверждать, что без него не было бы таких чудес техники, как авто-

мобиль и самолёт, и вообще мир выглядел бы совсем иначе.

Первым создал работающую модель поршневого двигателя француз Этьен Ленуар в 1860 году. Его двигатель работал на газе. Первый образец четырёхтактного, более удобного в эксплуатации и технологичного двигателя был построен немецким изобретателем Николасом Отто в 1876 году. Первым карбюраторным двигателем (1880 год) мы обязаны русскому инженеру О. С. Костовичу, который так же первым предложил оппозитную схему расположения цилиндров. Многие изобретатели занимались совершенствованием конструкции двигателей, поэтому существует довольно много различных модификаций поршневых двигателей внутреннего сгорания, работающих на самых разных видах топлива: газ, бензин, спирт, керосин и т.п. Важно упомянуть немецкого инженера Рудольфа Дизеля, создавшего в 1897 году свой вариант

Этьен Ленуар (1822-1900)

Николас Отто (1832-1891)

Рудольф Дизель (1858-1913)

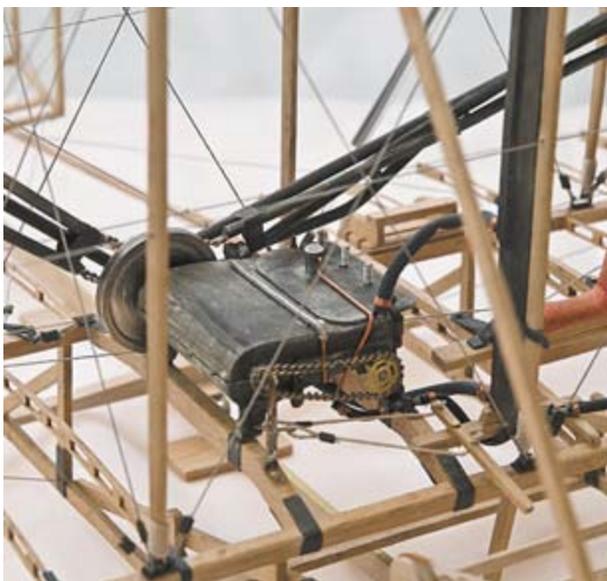
двигателя, который впоследствии назвали его именем.

Благодаря мощности, удобству, дешевизне и простоте конструкции двигатели внутреннего сгорания работали в самых разных областях жизни. Но основное их применение конечно же транспорт. В 1885 году инженеры Даймлер и Майбах впервые установили его на мотоцикле, а в 1886-м — на автомобиле. Первый самолёт братьев Райт, взлетевший в 1903 году, был снабжён таким же двигателем. Это были выдающиеся образцы конструкторской мысли, и они положили конец довольно неуклюжим попыткам построить автомобиль (и даже самолёт!) с паровым двигателем. Весь XX век двигатель внутреннего сгорания доминирует практически во всех областях техники. Он приводит в движение огромный карьерный само-

свал и гоночный мотоцикл, железнодорожный локомотив и крохотную газонкосилку.

Но со временем были выявлены присутствующие конструкции ограничения и важные недостатки. Самым главным и принципиальным недостатком было то, что энергия высвобождается при сгорании углеводородного топлива. На долю автотранспорта приходится до 17% выброса в атмосферу парниковых газов. И это основная причина, почему инженеры бьются над задачей создания новых, принципиально отличных видов двигателей. Например, по мере совершенствования электрических двигателей они все больше вытесняют бензиновые, в том числе и в автотранспорте. Не пригодны поршневые двигатели внутреннего сгорания для установки на современных авиалайнерах — здесь применяют различные виды реактивных двигателей. В силовых установках большой мощности тоже предпочитают использовать двигатели другого типа — турбину.

Что же будет дальше? Сжигание ископаемых углеводородов всё меньше и меньше будет использоваться для получения энергии. Для преобразования энергии в механическое перемещение всё больше будут применяться различные виды электрических двигателей. И уж тем более другие двигатели нужны в такой перспективной отрасли, как космические полёты. А двигатель внутреннего сгорания вместе с паровым двигателем займёт своё почётное место в мурее истории техники.

Двигатель внутреннего сгорания, установленный на первом аэроплане братьев Райт

Сказки бабушки

ИВАН ДА МАРЬЯ

Теперь-то вечером вверх по реке глянешь — весь берег тёмный, нигде огоньков не видно. А прежде — как светляками берега были усыпаны, все окошки в деревнях светились. Самые ближние от нас две деревни, знаете, как назывались? Вообще-то это вроде как одна деревня была, только один край назывался Машино, а другой — Ивановское.

А вот как получилось, что два названия эти появились.

На одном краю деревни жил мельник, и была у него дочка Марьюшка. А на другом краю — жила вдовица бедная с сыном Иванушкой.

До того хороши ребята были, словно ангелы небесные: белоголовые, синеглазые, добрые да весёлые.

Ребята деревенские всегда гурьбой растут: вместе в лес, на реку, игры по вечерам заводят. А Марьюшка с Иванушкой тоже вроде вместе со всеми росли, но друг друга больше отличали, весь день не разлучались. Как глянет кто на них, так и подумает: вот пара будет, как подрастут.

И правда, как подросли Марьюшка с Иванушкой, так и потянулись друг к другу.

Наши деревни все на крутом берегу стоят. А та деревня стояла на самом высоком косогоре, да над рекой такой обрыв был крутой, что к краю и подойти было боязно. Внизу — омут глубокий, чуть подальше заводь тихая. Лилии да кувшинки на воде колыхаются, лебеди белые плавают. На другой стороне — бор сосновый стоит, в воде отражается. Красота такая, что душа замирает, глядячи.

А на берегу, над обрывом цветочки всякие цветут, медовым духом пахнут, пчёлки да шмели жужжат. Век бы сидел да глядел сверху на творенье Божье.

Девушки да парни над тем обрывом и хороводы водили, и парами по бережку

гуляли. А то к реке спускались по тропинке, сидели у воды, на лебедей да на лилии речные глядели.

Гуляли как-то над обрывом и Иванушка с Марьюшкой, цветочками любовались.

Сорвал Иванушка цветочек жёлтенький наполовину, а наполовину синенький.

— Знаешь, — говорит, — голубушка моя, как цветочек этот называется?

— Знаю, — отвечает ему Марьюшка. — Наш то цветок, Иван да Марья называется.

И поклялись они друг другу неразлучными быть всегда, как цветок Иван да Марья.

А родители Марьюшки заприметили, что дочка их с сыном бедняцким встречается, и пригрозили, чтобы и думать она про Ивана не смела, а то под замок посадят.

Жениха ей подыскали городского, сына купеческого. Приезжал тот вместе с отцом своим в деревню, сговариваться. Сапоги у парня гармошкой, рубаха атласная, картуз на голове лаковый. А сам-то толстый, неповоротливый, щёки красные, глаза оловянные. Да на такого что ни надень — красившее не станет.

Зато богатый, сказывали, — страсть. У отца его магазинов в городе было полно.

Вот и сговорились за него Марьюшку осенью, к Покрову, замуж выдать.

Заплакала, зарыдала бедная девушка. Встретились они с Иванушкой тайком над обрывом, спустились по тропинке к воде, туда, где стая лебединая плавала. Плачут, обнимаются. Некуда, говорят, податься нам, бедным. В город если бежать, так нет там у нас никого. Да поймают по дороге, накажут, опозорят ни за что.

— Эх, лебеди, птицы вольные, нам бы ваши крылышки, улетели бы мы с вами в края тёплые. Взяли бы нас?

Матрёны

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Аида Борисова

Художник Ю. Устинова

Шуткой спросили, а стая лебединая подплыла к самому берегу, да головами птицы кивают, вроде бы соглашаются: «Взяли бы, взяли бы!»

Даже улыбнулись им сквозь слёзы Иванушка с Марьюшкой.

— Спасибо, — говорят, — птицы вольные, хоть вы нас пожалели.

Пробовала мать Иванушки образумить мельника, просила слёзно, чтобы не губил детей, любят ведь они друг друга. Да куда там, прогнал её мельник, да ещё и ногами затопал.

А лето в том году жаркое, долгое было. Осень поздно наступила, да тёплая такая, что птицы до самого Покрова на юг не улетали. И лебеди по реке всё плавали, словно и вправду Иванушку с Марьюшкой дожидались.

И вот наступил день свадьбы.

Всю в слезах одевают Марьюшку девушки-подружки в платье белое, подвенечное. Песни жалостные поют. Вот и тройка с бубенцами к дому подкатила невесту забирать.

Вышла на крылечко Марьюшка, косы золотые, глаза голубые, платье белое, и сама бледная как полотно.

— Как лебедушка белая, — зашептался народ.

И Иванушка в толпе стоит, тоже бледный как полотно, и в рубахе белой. Встретились глазами Иванушка с Марьюшкой, кинулась она к нему, и никто даже опомниться не успел, а они уж, за руки взявшись, над обрывом стоят.

— Простите нас, — говорят, — багюшка, матушка, народ честной, да нет, видно, нам другой судьбы-дороги.

Все только ахнули.

Ударились они об воду так, что брызги столбом поднялись. А из брызг этих два лебедя белых высоко-высоко взлетели. Сделали над деревней три круга и на юг направились. А за ними и вся стая лебединая. Говорят, в стае-то на двух лебедей больше стало.

Не знаю, так ли, только Иванушку с Марьюшкой, сколь ни искали, так и не нашли.

Вот с тех пор тот край деревни, где Марьюшка жила, Машиним называть стали, а где Иванушка — Ивановским.

Сходите, поглядите, недалеко это место.

Деревни уж нет там давно, а цветочки эти, что Иван да Марья называются, до сих пор на обрыве растут.

А вот лебеди с той поры в наши края так и не прилетали.

*Здравствуйте,
уважаемая редакция журнала
«Роман-газета»!*

Меня зовут Софья Краснощёк, мне 12 лет, я живу в Москве. Однажды в библиотеке я случайно увидела Ваш журнал, взяла полистать и не смогла оторваться — прочитала весь от корки до корки. Спасибо Вам за такой замечательный журнал!

Я с пяти лет очень много читаю, в 7 лет я уже прочитала все самые известные романы Жюль Верна, все тома сказок народов мира.

На данный момент моим любимым писателем является Владислав Крапивин. Я люблю его произведения за необыкновенную человечность и точность выражения мысли. В каждом произведении поднята какая-то серьёзная тема, например, экология, использование ресурсов, альтернативных источников энергии. Но самое главное, в произведениях Крапивина очень тепло переданы человеческие чувства — дружба, любовь.

Я не только читаю, а ещё и пишу. Стихи я начала писать ещё до того, как научилась писать буквы (мама писала под мою диктовку). Книга с моими первыми детскими стихами и рисунками до сих пор хранится в семейном архиве. Пишу я и сейчас. В данный момент работаю над фантастической повестью, первая часть которой

уже готова! Я пишу стихи, рассказы, миниатюры. Несколько произведений я представлю Вам. Пожалуйста, не бойтесь обидеть меня критикой, мне хочется услышать Ваше неподдельное впечатление.

Буду очень счастлива, если увижу свои произведения на страницах «Детской роман-газеты!»

Цветок

Вот просыпается первый
цветок,
Показал уж он миру зелёный
листок,
Незаметна, кротка вся его
красота,
Но я вижу в ней жизнь и силу
цветка.
Позже он распустил бутон,
И качается на тонкой ножке,
Глядя в небосклон.
Цветок распустился, и запах
родился,
К осени завял, красоту Земле
отдал!

Берёзки

Девушки-берёзки,
Сколько красоты,
Жёлтые серёжки,
Облака пыльцы.
Косы изумрудные,
Белые стволы,
Сколько в вас, родные,
Русской стороны!

Жнецы

Сегодня утром на заре
Жнецы собрались в поле,
Сверкает серп, блестит коса,
Вот! Русское раздолье!
Ну, всё устали, можно
Теперь и отдохнуть,
Ковригу хлеба, масло
Сейчас время развернуть.
Поели, за работу,
Гуляй, крестьянский серп!
Звени наше богатство —
Златой российский хлеб!

Рассвет

Над землёю, над горами
Показался первый луч!
Он пробил себе дорогу
Средь свинцовых, тёмных туч.
Как будто солнце обласкать
хотело

Детей своих руками золотыми.
И каждый лепесток
Зажёг в себе росинку,
И каждый ветерок
Вдруг приласкал травинку.
И светом загорелась вся Земля,
Детей своих ещё сильнее любя!

Море

Синее, синее море,
Над морем чайки парят,
О вечной, о вечной свободе
Нам белые птицы кричат.
Всё небо над нами в их власти,
И крик их к себе нас зовёт,
И мы, наполняясь счастьем,
Душой совершаем полёт!

Юрий Гагарин

Он был советским человеком,
Он Родину любил.
И сквозь преграду атмосферы
В ракете вверх он взмыл.
И космоса просторы
Гагарин нам открыл.

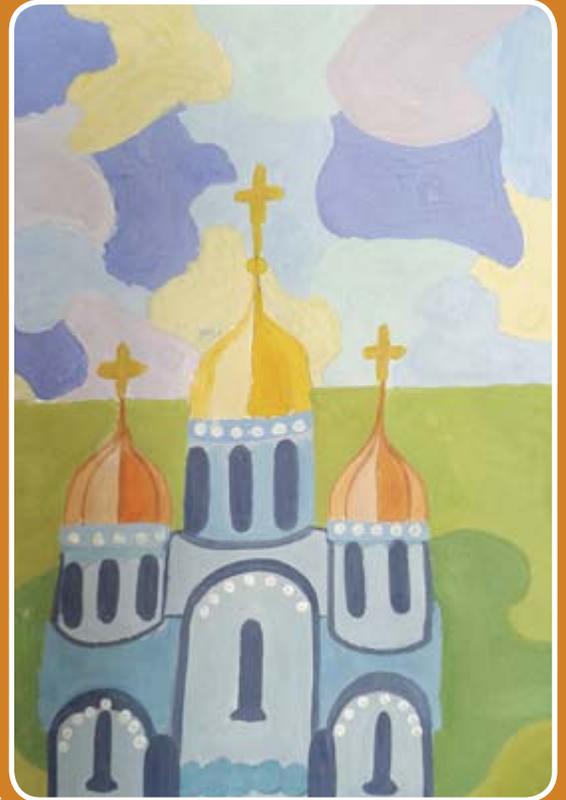
— Поехали! — сказал,
И взмыл «Восток»
Сквозь облаков огромные
просторы,
Сквозь пласт незримый
Вечный тишины,
Туда, где звёзды водят
хороводы.
И он вернулся к людям!
Он выжил! Он сумел!
Ура! Салют Гагарину
На небе прогремел!
Ах, сколько было радости,
Что сделали МЫ это,
Ты помнишь это, маленькая,
Моя голубая Планета?

* * *

Хочется очень иметь крылья,
Белые, серебряные или
золотые.
Я бы поднялась на них вдаль
за облака!
И вся планета будет
с горошину тогда!
Там нет машин, нет свиста
самолётов,

Нет стука поездов и прочей
ерунды,
Но столько необъятной
красоты!
И даже необъятное так хочется
обнять.

НАШ ВЕРНИСАЖ

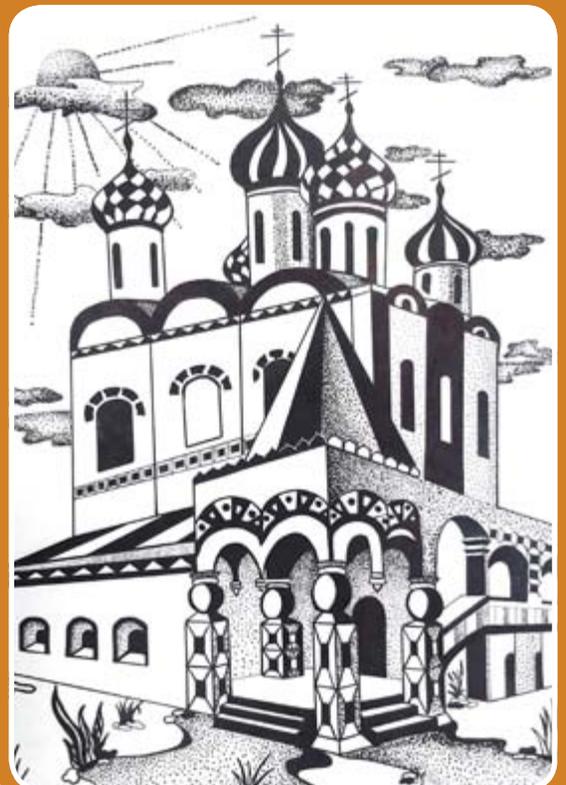
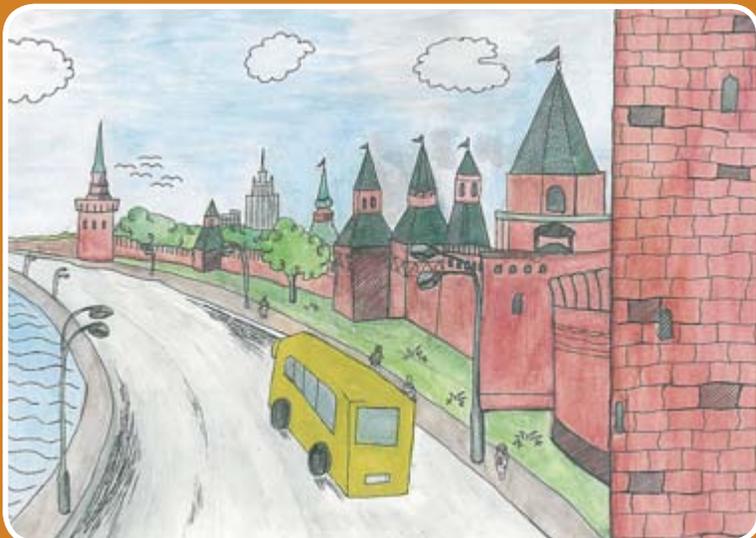

ИЗОСТУДИЯ «ВДОХНОВЕНИЕ»

г. Химки, лицей № 15

Руководитель изостудии Карачевцева Анжела Павловна

1. Теплоухова Алиса, 13 лет. «Улочки московские»
2. Мелюшкина Вероника, 12 лет. «Моя Москва»
3. Гончарова Юлия, 12 лет. «Набережная»
4. Исаева Елизавета, 10 лет. «Храм»
5. Сомова Дарья, 13 лет. «Мой храм»

*И поистине чудом величайшим было то, что
век тот, и грубый, и неумелый, возымел силу
проявить себя через Джотто столь мудро...*

Вазари

Джотто ди Бодоне. Св. Стефан. XIII–XIV в.

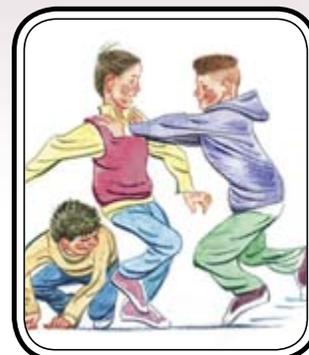
**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Иван да Марья

РАССКАЗЫ:

Медаль

БУХТИНЫ:

«Пылесос»

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:

Американский дядюшка